

Праздник Успения Пресвятой Богородицы

Тропарь праздника

Глас 1

В рождестве девство сохранила еси, / во успении мира не оставила еси, Богородице, / преставилася еси к животу, / Мати сущи Живота, // и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша.

Успенский пост венчает удивительный праздник – Успение Божией Матери. Этот христианский праздник был установлен в память кончины (успения) Богоматери.

Будучи распят на кресте, «Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! Се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Ин. 19, 26-27). Следуя этому наказу, апостол Иоанн Богослов заботился о Божией Матери в течение Ее земной жизни.

Из церковного предания известно, что Богоматерь до 43 г. жила в Иерусалиме. Для Апостолов и всех верующих Богородица была опорой и утешением. Она помогала молодой христианской церкви Своим присутствием, словом и молитвой. В 43 г. в связи с началом гонений на христиан Она вместе с Иоанном Богословом

удалилась в Ефес (современная Турция). Богоматерь посетила Кипр и гору Афон, а в конце жизни снова вернулась в Иерусалим.

Обстоятельства смерти и погребения Божией Матери подробно описаны в трудах церковных писателей начиная с I в.н.э. Это предание содержит описание многих чудесных событий, связанных с кончиной Богоматери.

Тело Богоматери было торжественно погребено в пещере на берегу ручья Кедрон в Иерусалиме. Согласно церковному преданию через три дня после погребения гроб Богоматери был открыт, и обнаружилось, что в нем лежат только погребальные пелены. Считается, что тело Богоматери дивным образом было вознесено на небо. На примере Успения Божией Матери Церковь учит, что смерть не есть уничтожение нашего бытия, а только переход из одного состояния в другое, от тления и разрушения к вечному бессмертию.

На месте погребения Богоматери был сооружен подземный храм, где до сих пор находится Ее гроб.

Русские люди любят и благоговейно чтут Богоматерь, преклоняются перед Ее иконами, многие из которых чудотворны. Она считается Заступницей, Покровительницей, Молитвенницей для тех, кто обращается к ней за помощью и поддержкой.

Святитель Московский Филарет (Дроздов): Слово в день Успения Пресвятой Богородицы

У гроба Пресвятыя Девы Марии Церковь поставляет нас ныне в благочестивое созерцание. Ибо что такое церковный праздник, если не благочестивое созерцание, в котором дух отдыхает от труда плоти и собирает силы для работных дней жизни?

Что же видим, быв поставлены у гроба Пресвятыя Девы? Зрелище необыкновенное! – Обыкновенно до гроба – свет и ясность, далее гроба – мрак и неизвестность, но здесь совсем напротив. До

гроба – какое высокое достоинство и добродетель в какой глубокой тайне и безвестности! Далее гроба – какой свет и слава, какое торжественное воздаяние достоинству и добродетели!

Не много нужно труда для изъяснения, что нравственное достоинство Препоблагословенная Девы Марии должно признавать беспримерно высоким. Сие видно само собою из достоинства служения, в которое Она избрана и возведена. Если бы нашлась добродетель выше, нежели Ее, то была бы несообразность в том, что Она преимущественно избрана быть жилищем, престолом, Материю Бога Слова. Но в судьбах и делах Божиих несообразности быть не может. Следственно, как верно то, что Мариам есть благословенная в женах, то есть благословенная высочайшим благословением пред всеми прочими женами, так же верно и то, что добродетель Ее есть высочайшая, чистейшая, совершеннейшая, хотя, впрочем, Она чиста и совершенна помощью того же Христа, Который соделался наградю Ее чистоты и совершенства.

Но посмотрите, сколько знают, как видят достоинство Мариами прежде гроба Ее.

Кому лучше было знать Ее, как не тому, кто удостоен был доверенности хранить сие сокровище мира, сию запечатленную сокровищницу Неба? Но Иосиф вначале так мало знал, сколь высоко должно чтить Ее, что почитал даже возможным обличить Ее, хотя и не хотел того. Иосиф готов был повергнуть бесценное сокровище, если бы оно не было надежно оберегаемо более просвещенными хранителями, Ангелами. Не хотя ея обличити, восхоте тай пустити ю. Сия же ему помыслившу, се Ангел Господень во сне явился ему (Мф. 1, 19-20).

О дивно-молчаливая Дево! Не ближе ли было Тебе самой известить Иосифа о том, о чем наконец известил его Ангел? Почто ждала Ты дальнего вестника с неба? Почто не спешила на помощь праведнику, почти впадшему в несправедливость? – Без сомнения для того, да не явишия человеком, с Твоею добродетелию, с Твоею благодатию, с Твоим достоинством, но единственно Отцу

Твоему Небесному, Иже в тайне.

Тайну высокого достоинства Девы Богородицы более или менее открывали Ангелы, звезда, волхвы, пастыри, Симеон; но Ангелы возвратились на небо, волхвы на Восток, звезда скрылась, Симеон с миром отпущен из мира сего, свет вифлеемской славы потушен гневным дыханием Ирода и кровию младенцев; Мария скрывалась то в Египте, то в Назарете, а Ее достоинство и знаменитость – в Ее сердце. Мариам же соблюдала вся глаголы сия, слагаючи в сердце своем (Лк. 2, 19).

Пришло время, когда слава премудрости и чудотворений Сына Мариина просияла в Иудее и Галилее. Надлежало бы отблеску славы Сыновней вскоре озарить и лицо Матери. Однажды нечаянно показалось, что сие начинается. Другая, может быть, мать, или сильно желающая быть матерью, живее других вообразила счастье Матери благословенной и всенародно предалась восторгу, который побуждал ее прославлять Иисуса и вместе с Ним Его Мать. Воздвигши некая жена глас от народа, рече Ему: блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал (Лк. 11, 27). Но приметьте: она говорит околичностями, ублажает чрево и сосцы, а не произносит имени Той, Которую прославляет. Почему? – Без сомнения потому, что не знает Ее ни в лицо, ниже по имени.

Другие знали Мариам и в лицо, и по имени, потому что не могли не знать сего, и, несмотря на сие оставались в самом странном о Ней неведении. Послушайте, что говорят сограждане и соседи Иисуса и Марии. Откуда сему премудрость сия, и силы? (Следственно, они слышат премудрость Иисуса, видят чудеса Его, признают их и побуждаются ими узнавать все, что до Него касается.) Не Сей ли есть тектонов сын? Не Мати ли Его нарицается Мариам (Мф. 13, 54-55)? Видите, они не умеют даже сказать: Иосиф, сын Давидов, Мария, дочь Давидова; они знают только то, что в глазах: что Иосиф есть ремесленник, что Мария есть – Мария. Как же не знают они даже того, что евреи так заботливо старались знать и о себе, и о других? Как не знают рода и происхождения Марии? – Не иначе можно изъяснить сие,

как тем, что Пресвятая Дева, не желая ни в чем являться человеком, не ища никакого человеческого утешения, не хотела и того, чтобы в унижении бедности Своей утешать Себя пред человеками достоинством Своего рода, и потому не делала гласным Своего происхождения так же, как Своей добродетели и благодати.

Но что уже дивиться тому, что чужие, дальние ли то или ближние, долго не дают славы Той, Которую должны ублажать все роды? Сам Сын Ее – усомнился бы я сказать, если бы можно было усомниться пересказывать сказанное самую Истиною, – Сам Сын Ее, по-видимому, не решается дать Ей пред человеками славу, подобающую Матери; и Он является как бы не знающим или не желающим знать Ее. Кто есть Мати Моя (Мф. 12, 48)? – вопрошает Он. Как бы ищет, кому даровать имя, честь и славу Своей Матери, умалчивая о Той, Которой Его рождение дало право на сии отличия. Мати Моя и братья Моя сии суть слышащие слово Божие и творящие е (Лк. 8, 21). Говоря таким образом, Господь не отчуждает Матери Своей по плоти, поелику слышит слово Божие паче других Та, Которая услышала оное прежде других; и творит оное деятельнее других Та, Которая сотворила ему достойную обитель во чреве Своем. Но, во-первых, Господь возвышает Своим изречением слушающих и творящих слово Божие и возбуждает к сему спасительному деланию; во-вторых, и Он, в приведенном изречении, сообразуется с собственным правилом Своей Матери, чтобы не являться человеком – сколько можно уклоняться от славы человеческой, ища славы Божией; и Он медлит, отлагает явить человекам всю честь и славу Той, Которая есть Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим.

Иду далее поприщем земной жизни Иисуса и Марии: то же повсюду. Где наиболее является слава, там отнюдь не является Мария, как, например, при торжественном входе Господнем в Иерусалим. А если где является Мать Господня, там не слава Ее встречает, как, например: Стоящу при кресте Иисусове Мати Его и сестра Матере Его (Ин. 19, 25).

Последуем за Распятым, чрез дверь гроба, в область славы

Воскресшего. Уже не первый только, но и последний по вере ученик Его славит Его Божество: Господь мой и Бог мой! Уже за славою Господня воскресения следует новая Божественная слава вознесения Его на небо. Ищу человека, действия, слова, в котором бы, хотя теперь, явилась слава Матери Господа моего, Которую, правда, еще очень рано, только без свидетелей и без последствий, возвещала праведная Елисавета: ищу и – не нахожу. Сии вси, – написано об Апостолах после вознесения Господня, – бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Марию Материю Иисусовою (Деян. 1, 14). Какое неожиданное повествование! Не только после Апостолов, но даже после неких неизвестных жен едва наконец вспомнили наименовать Марию Матерь Иисусову. Что это такое? Неужели повествователь не довольно чтит Матерь Божию? – Сохрани Бог допустить сию мысль, оскорбительную не только для Пресвятыя Девы, но и для святаго евангелиста Луки! Что ж это значит? – То, что святой Лука так пишет в книге Деяний Апостольских, как вела себя Пресвятая Дева между Апостолами; а Она, хотя по высоте благодати, в духе, невидимо председательствовала в соборе Апостолов, – по смирению сердца, во плоти, видимо, не допускала до Себя никакой славы, не употребляла никаких преимуществ, поставляла Себя в ряду с прочими женами, учила их Своим примером тому, чему после учил их апостол Павел словом: Жены ваша в церквах да молчат (1 Кор. 14, 34). Жена в безмолвии да учится со всяким покорением; жене же учить не повелеваю (1 Тим. 2, 11-12). Желал бы я – скажу мимоходом, – чтобы в сей священный пример пристально всмотрелись наши чуждающиеся братья, которые, прежде суда Христова, осудив без разбора всякое священство и за то наказав сами себя произвольным лишением священства, к довершению беспорядка поручают начальствовать у себя в общественном богослужении девам – без сомнения, не мудрым, а юродивым! Ибо какая дева, кроме юродивой, дерзнет принять на себя в Церкви то, к чему не дерзала приступать Пресвятая Дева Богородица?

Теперь посмотрим на другое, необозримое по пространству, но уже удобозримое по светлости, поприще, которое открылось для

Пресвятая Дева Ее успением. Как скоро сие совершилось, собор Апостолов, как говорит благочестивое предание, отовсюду собран Духом Божиим, чтобы не столько оплакивать, сколько праздновать Ее погребение. Как прежде неверие Фомы обращено в доказательство достоверности воскресения Христова, так теперь умедление Фомы обращается в средство к прославлению вознесения Богоматери – еще сокровенного, как сокровенна была жизнь Ее на земли. Восприяв славу Божию на небеси, с сего времени Она не отвергает и человеческой славы на земли, прежде неугодной для Ее смирения, теперь полезной и благотворной для живущих на земли.

Слава Ее имела и своих врагов, подобно как и слава Христова, но в сем-то наипаче является Божественная сила благодати, что враги служат ей не столько препятствием, сколько средством к достижению ее целей. Что произвели еретики, которые так хитро и дерзновенно усиливались похитить у Пресвятыя Девы Марии высокое наименование Богородицы? – То, что Православная Церковь, остерегаясь от их лукавства и дерзости, стала еще ревностнее прежнего прославлять Пресвятую Богородицу, отчего нет теперь в Церкви ни одного дня, ни одного богослужения, которые бы не были преукрашены Ее Божественною славю. И это не есть простой перебор слов православных противу еретических, но действительное сражение духовных сил и совершенная победа силы Христовой над силою Его противников. Ибо славящие уста утомились бы в продолжение веков, если бы, на глас молитв и славословий не посещала верующих Пресвятая Богородица Своею могущественною помощью, принося душам Христа с Его благодатию, подобно как Она является носящею Его на руках в наших священных изображениях. – Радуйся, Благодатная! Слава Твоя Боголепная Богоподобными сияет чудесы!

Вот, братия, что видится мне ныне, чином церковным и долгом служения поставленному на страже, в созерцании, у гроба Пресвятыя Девы Богородицы. Но к чему сие видение? – Ибо созерцание благочестивое должно быть не праздну, а деятельно. – К тому, чтобы пример сокровенной жизни Ее споспешествовал

нам – и уразуметь, и принять, и делом исполнять учение Христово: Да не явишия человеком... но Отцу твоему, Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве. Подвизайся, делай добро, служи Богу; но берегись, чтобы твоих подвигов, твоих добродетелей, твоего благочестия не обнаруживать пред людьми без нужды, произвольно, самодовольно, тщеславно; имей Бога свидетелем твоей совести, и Он будет мздовоздаятелем твоим за все, что ты, не замечаемый человеками, для Него делаешь или терпишь.

Господь заповедует тайну, во-первых, для дел человеколюбия: Тебе творящу милостыню, да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя. Во-вторых, для дел благочестия: Егда молишия, вниди в клеть твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне. В-третьих, для дел самоотвержения и умерщвления плоти: Да не явишия человеком постяся, но Отцу твоему, Иже в тайне. Следственно, тайну скромности и смирения заповедует Он для всех обязанностей человека к Богу, ближнему и самому себе, для всякой добродетели, для всех дел Закона.

Скажут: но как же исполнится Христово же слово: Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех (Мф. 5, 16)? – Не заботьтесь; слово Христово исполнится само собою и не потребует вашей помощи. Сказано: да просветится свет ваш, сам собою, естественно, как светит всякий свет; а не сказано: выставляйте напоказ свет ваш. Добрые дела суть дела света по естеству: делайте тайно, свет просияет, когда и сколько повелит Бог Светодавец. Беда в том, если делаете дела темные, злые: от сих, конечно, нет и не будет света и Бог не будет ими прославлен.

Скажут еще: как же и молиться или проповедовать в Церкви, если и дела благочестия творить должно в тайне? – Дабы ответствовать на сие, напомним, что в том же самом поучении, в котором Спаситель наш говорит о молитве в тайне, говорит и о даре, приносимом к алтарю: аще принесеши дар твой к

олтарю (Мф. 5, 23); а сие бывает в богослужении открытом и торжественном. Из сего видно, что заповедю о тайной молитве не отменяется обязанность участвовать в общественном церковном богослужении. Но есть и в сем случае своего рода осторожность, чтобы не являться человекам тщеславно, а смиренно предстоять Отцу Небесному, Иже в тайне. Если, стоя в церкви, ты совершаешь действия благоговения, общие всем присутствующим, но стараешься удерживать, или делать неприметными, особенные в тебе движения возбужденного благочестия, воздыхания или вопли, готовые исторгнуться, слезы, готовые пролиться, – в сем расположении ты и среди многочисленного собрания сокровенно предстоишь Отцу твоему, Иже в тайне.

Помыслим, братья, сколь и неблагогородно, и тягостно, и бесполезно жить только напоказ, как поступают многие и в нравственной, и в общественной, и в домашней жизни. Все показывают, все выставляют, о всем трубят, всякое ничтожное дело провозглашают, подобно как кокошь свое новорожденное яйцо. Но провозглашение кокоши основательнее: она возвещает яйцо, которое подлинно родилось и остается; а тщеславные возвещают то, чего нет, или провозглашением уничтожают провозглашаемое. Например: сделано дело благотворения: хорошо; до сих пор оно существует. Но если сделавший и хвалится оным, то доброе дело исчезает. Теперь открылось, что нет доброго в его сердце; там тщеславие. Нет доброго в его деле; произведение тщеславия не есть доброе дело. Нет доброго даже в глазах людей: ибо они проникают тщеславие и если славят дело тщеславного, то в то же время разглашают и укоризны его тщеславию. Кольми паче нет здесь доброго пред Богом. Он отказался от тщеславных, когда сказал: восприемлют мзду свою (Мф. 6, 2-16).

Христианин! Будь, а не кажись: вот одно из важных для тебя правил. Познай несравненное достоинство скромной, тихой, сокровенной добродетели. Ей свойственно быть тайною для земли, потому что она небесной породы и для неба существует. Совершай ее в тайне и охраняй от глаз человеческих, часто нечистых и

вредящих ее чистоте, а представляй тщательно и непрестанно
чистому и очищающему оку Божию. И Отец твой, видяй в тайне,
воздаст тебе яве. Аминь.

1832 год.